

Сяобай уловил на себе взгляд Су Цзюгуя — долгий, изучающий, словно тот пытался разгадать некую тайну.

Но улыбка так и не сошла с его лица. Если призрачный заклинатель сумел разглядеть в Су Цзюгуе лишь уцелевший осколок духа, то и в нём самом подавно признал того, у кого от всей души осталась одна-единственная земная душа-по. Сяобай не сомневался: Су Цзюгую это теперь тоже известно.

Самого Сяобая это ничуть не задевало. Напротив, в нём проснулось любопытство: как поведёт себя Су Цзюгуй?

«Выставит ли он меня прочь из усадьбы Вэней? — пронеслось в мыслях Сяобая. — Так же безжалостно, как когда-то изгнал Чжубая из ордена?»

Су Цзюгуй лишь скользнул по Сяобаю равнодушным взглядом и тут же отвернулся.

— И что с того? — невозмутимо обронил Су Цзюгуй.

Призрачный заклинатель недовольно нахмурился. Раскрывая эту тайну, он рассчитывал вбить между ними клин. Было очевидно, что Сяобай — фигура опасная, и если между этими двоими вспыхнет раздор, у него самого появится лазейка для побега.

Однако Су Цзюгуй отделался лишь коротким вопросом.

«И что с того? — недоумевал призрачный заклинатель. — Сяобай — всего лишь жалкий осколок души. Ну и что с того?»

В конце концов, Су Цзюгуй и сам едва ли отличался целостностью духа. С какой стати ему смотреть на других свысока?

Его собственная память давно превратилась в лоскутное одеяло, сотканное из обрывков и провалов. Половину пережитого он не помнил сам — так имел ли он право требовать от Сяобая ясности и рассказов о былых временах?

Раз он сам предпочитал держать свои тайны при себе, то и от спутника не смел требовать исповеди.

Обладая исключительным слухом, Сяобай до единого слова уловил их негромкий разговор. Уголки его губ дрогнули в довольной усмешке.

На душе у него сделалось так легко и безмятежно, как не бывало уже очень давно. Будто над потемневшим от туч горизонтом внезапно разошлись облака и хлынул тёплый солнечный свет.

Призрачного заклинателя силой оставили в усадьбе Вэней, поселив в клетке на манер ручной майны — только с человеческой головой вместо птичьей.

К Су Цзюгую он невольно испытывал суеверный страх. Всё-таки перед ним был сам Лу Юньци.

Не оборвись земной путь Бессмертного почтенного раньше времени, этот призрачный заклинатель и помыслить бы не смел о личной встрече. Пасть от руки столь великого мастера считалось честью, а не позором.

Томясь в тесной клетке, призрачный заклинатель отчаянно изнывал от безделья и все эти дни пристально наблюдал за каждым шагом своего пленителя.

Цзи Юаньчу велел ему разыскать уцелевшую душу Лу Юньци. Раз верный слуга до сих пор не вернулся с докладом, верховный заклинатель непременно почует неладное. Наверняка по его следу уже пустили ищеек.

Время работало против Су Цзюгую. Пленник с замиранием сердца ждал, какую же партию разыграет бывший бессмертный, чтобы вырваться из капкана.

Но Су Цзюгуй вел себя как... круглый дурак.

Призрачному заклинателю претило столь грубое слово по отношению к великому мастеру, но Су Цзюгуй действительно не походил на здравомыслящего человека.

Решение взять Вэнь Ци в ученики казалось призрачному заклинателю верхом глупости. На кой чёрт во время побега вешать себе на шею обузу? Такое милосердие лишь ускорит неминуемую гибель.

Однако Су Цзюгуй с поразительным упорством продолжал возиться с юношей, терпеливо обучая его азам закалки тела.

Стоило начаться занятиям, как тут же прибежал Сяобай. Он с самым важным видом усаживался неподалёку, делая вид, будто прилежно постигает священные учения горы Великой Чистоты.

В первый день, одолев несчастные десять кругов по двору, Вэнь Ци едва не испустил дух. Су

Цзюгуй внутренне приготовился к тому, что неженка бросит всё на полпути, однако парень упрямо продолжал изнурять себя тренировками и до сих пор не проронил ни единой жалобы.

Призрачный заклинатель целыми днями ломал голову, пытаясь разгадать мотивы Су Цзюгуя. Тот неизменно присутствовал при тренировках ученика.

Бывший бессмертный истязал себя с пугающей дисциплиной, не пропуская ни дня. Нагрузки, которые он взвалил на своё хрупкое лисье тело, в разы превосходили тренировки Вэнь Ци. Из двенадцати двухчасовых страж в сутках он умудрялся проводить в медитации и созерцании по десять страж кряду. Он тренировался так, словно сама жизнь его зависела от каждого вдоха.

Однако призрачный заклинатель видел в этом лишь очередную фатальную ошибку.

Бог весть, что за аномальным телосложением обладал этот лис, но если он сумел удержать в себе золотые ядра двух разных демонов, то ничто не мешало ему поглотить и третье, и четвёртое.

Будь на месте Су Цзюгуя сам призрачный заклинатель, он бы давно пустился во все тяжкие: отправился бы в дикие глухие леса, устроил там кровавую жатву среди лесных тварей и, пожирая их демонические ядра одно за другим, в кратчайшие сроки восстановил бы былую мощь.

Но Су Цзюгуй упрямо шёл самым неблагодарным путём. Он изо дня в день медитировал, разгоняя ци, и изнурял себя физически — методы благородные, но в его положении абсолютно бесполезные.

Какая польза точить ржавый клинок, когда враг уже занёс над твоей головой топор?

Су Цзюгуй как раз закончил очередную дыхательную практику. Физическая оболочка лиса крепла день ото дня, и теперь он ступал по земле бесшумно, почти невесомо.

Устроившись на пороге, он грелся в лучах полуденного солнца и неторопливо листал старую книгу. Сяобай прикорнул рядом, бесцеремонно уложив голову на колени Су Цзюгуя. Лицо дракона прикрывал раскрытый томик — стоило ему взглянуть на строчки, как на него тут же накатывала непреодолимая дремота.

Тот не пытался его прогнать. Вся сцена дышала удивительным, почти домашним покоем. Портила эту идиллию лишь висевшая под самым карнизом клетка с говорящей головой.

Поначалу Вэнь Ци бледнел и обходил веранду стороной, завидя покачивающийся трофей, но за несколько дней притерпелся и перестал обращать на него внимание.

К тому же призрачный пленник не требовал пищи — в уходе он оказался куда неприхотливее

любого попугая.

Су Цзюгуй увлечённо читал сборник народных сказок. Призрачный заклинатель скосил глаза, сиюсья разобрать иероглифы на обложке. «Рассказы Ляо Чжая о чудесах».

«Ишь ты, — мысленно хмыкнул пленник, едва сдерживая смехок. — Первый раз в шкуре лисьего духа оказался, так теперь опыта у книжных собратьев набирается?»

— И почему ты не колдуешь? — не выдержав, подал голос призрачный заклинатель.

Лишённый возможности двигаться, он то и дело возвращался мыслями к дню их схватки. Где же он допустил ошибку? Какую деталь упустил?

Заклинатели горы Великой Чистоты испокон веков славились своим мастерством создания талисманов. На пике своего могущества Лу Юньцзи не нуждался ни в жёлтой бумаге, ни в киновари — ему достаточно было начертить знак в воздухе кончиком пальца или просто произнести заклинание вслух.

Во время их боя на постоялом дворе он едва не прижал Су Цзюгуя к стене, и раны того лиса до сих пор давали о себе знать при каждом резком движении.

И всё же, балансируя на грани жизни и смерти, Су Цзюгуй предпочёл использовать чужие паучьи нити, так и не прибегнув к родному учению.

Су Цзюгуй перевернул страницу, даже не взглянув на собеседника.

— Нынешнее тело не сдюжит, — сухо ответил он.

Очнувшись в теле лиса, он попытался прочесть простейший заговор, но едва сорвались с губ первые три слова, как горло сдавило спазмом, и он зашелся кровавым кашлем. Меридианы и внутренности были слишком слабы для даосских практик.

Не окажись тогда рядом Сяобай, он по сей день зализывал бы раны от жестокой магической отдачи.

Древнее даосское искусство карало за малейшую ошибку. В прежние времена его защищала тысячелетняя духовная база великого мастера. Теперь же, запертый в тщедушном теле мелкого лисьего оборотня, Су Цзюгуй понимал: сотвори он сильное заклинание, враг, конечно, испустит дух, но и сам заклинатель отправится следом на тот свет.

Пленник и сам быстро уловил суть. В разуме Су Цзюгуя хранилась целая сокровищница тайных писаний и мощнейших техник горы Великой Чистоты.

Поделись он хоть парой строк любого тайного заговора — и сильные мира сего выстроились бы в очередь, предлагая горы золота, а молодые таланты разбивали бы лбы у порога, моля о наставничестве. Ирония же заключалась в том, что сам хранитель этих сокровищ был бессилен их применить.

И всему виной — презренное лисье естество.

Из клетки донесся сухой, хриплый смешок.

— Подумать только... Великий Бессмертный почтенный Юньцзи опустился до такого убожества. Расскажи кому в Поднебесной — курам на смех.

Потерять тысячу лет аскезы и трудов в одно мгновение — удар, после которого не оправятся и величайшие умы. Нормальный человек давно бы тронулся рассудком от отчаяния.

— Силу можно взрастить заново, — ровным, безразличным тоном обронил Су Цзюгуй.

Призрачный заклинатель издевательски хмыкнул, поражаясь такому упрямому легкомыслию.

Он прильнул лицом к бамбуковым прутьям клетки. Его мутные, подернутые бельмами глаза в упор уставились на Су Цзюгую.

— Ты действительно думаешь, будто демоны станут вежливо ждать, пока ты вернёшь прежнюю форму? — прохрипел он.

Находись бывший бессмертный под защитой барьеров родного ордена, он мог бы безраздельно предаваться уединению хоть сотню лет. Но сейчас у него не оставалось и лишнего вздоха: по пятам рыскали разъярённые звери, жаждущие его крови.

Су Цзюгуй хранил молчание. Помолчав секунду, призрачный заклинатель спросил вновь:

— И каков твой следующий шаг?

— Убить Владыку Небесной Обители, — просто ответил Су Цзюгуй.

Из клетки вырвался задушенный хрип — пленник буквально лишился дара речи. Первой и единственной мыслью было: этот безумец окончательно лишился ума.

Во время недавней стычки на постоялом дворе он сумел прощупать истинные пределы нынешней силы лиса — тот не дотягивал даже до жалкого девятого ранга.

А Владыка Небесной Обители был могущественным правителем целого региона, владыкой Города между Облаками. Идти на такого соперника с пустыми руками — чистое самоубийство.

— Зачем тебе это? — вымолвил он, тщетно сясь отыскать в этих словах крупину логики.

Он искренне не понимал, какую выгоду может извлечь из этой безумной авантюры беглый лисий дух.

Перед мысленным взором Су Цзюгуя промелькнули обрывки чужой памяти — образ крошечного дикого лисёнка, чья жизнь оборвалась из-за чужой прихоти.

— Долг платежом красен, — негромко проговорил он. — Нужно отдать один старый долг крови.

Последней нитью мести, державшей душу погибшего лисёнка на этом свете, оставался именно этот высокопоставленный чинуша. Не затея тот свой помпезный юбилейный пир, зверёк никогда не угодил бы в ловушку капканщика и не погиб бы, пытаясь спастись.

Призрачный заклинатель нахмурился, так и не уловив скрытого подтекста его загадочной фразы.

Су Цзюгуй задумчиво коснулся тонкими пальцами угла пожелтевшей страницы, но переворачивать её не спешил. На мгновение шорох бумаги затих.

Внезапно он поднял глаза. Его взгляд, холодный и пронзительный, намертво пригвоздил говорящую голову к месту.

— К тому же, — мягко добавил он, — меня весьма интересует его золотое ядро.

На бледном лице лиса не дрогнул ни один мускул, однако от этого спокойствия по веранде пополз замогильный холод. Су Цзюгуй смотрел на него равнодушно, словно перед ним была не живая душа, а груда глины. От этого взгляда затылок призрачного заклинателя сковала ледяная испарина.

«Этот безумец явно не шутит, — понял призрачный заклинатель.»

Он не марал руки о лесную мелочь не из жалости или благородства — мелкая сошка просто не стоила его усилий. Ему нужна была крупная добыча. И только золотое ядро правителя могло утолить его голод.

Призрачный заклинатель лишился слов. Способный на столь дерзкий шаг человек заслуживал либо палаты для умалишённых, либо преклонения. Граница между гением и безумцем стёрлась окончательно.

К обеим этим породам людей призрачный заклинатель всю жизнь питал невольное уважение.

Су Цзюгуй медленно моргнул. Стоило пушистым ресницам опуститься, как леденящая душу жажда убийства бесследно растворилась, уступив место привычной невозмутимости.

— Вэнь Ци, — позвал он.

Юноша в это время прилежно застыл посреди двора в тренировочной стойке мабу. Тело у него было слабое, нетренированное, так что Су Цзюгую приходилось ковать из него бойца буквально с нуля.

В эти дни ему приходилось совмещать статичную стойку с циркуляцией внутренней энергии ци. Мабу и без того выматывала до судорог в коленях, а тонкости дыхательной гимнастики доканывали окончательно. Подбежав на зов, парень тяжело хрипел, утирая градом катящийся с лица пот. Вся спина его пропиталась солью и влагой.

— Слушаю, наставник, — выдохнул он.

— Принеси бумагу, — негромко приказал Су Цзюгуй.

Парень озадаченно моргнул, но лишних вопросов задавать не стал и послушно метнулся в покои за тонкой рисовой бумагой.

С тех пор как завеса тайны приоткрылась и он узнал, что его скромный спаситель — тот самый легендарный Лу Юньцзи, благоговение юноши не знало границ. Он ловил каждое слово наставника и исполнял любое поручение с истовым усердием.

Вэнь Ци бережно вынес стопку бумаги на веранду. Сам он книжным премудростям обучен не был, так что в его скудных запасах нашлось от силы десять чистых листов.

— Опустись на колени, — велел наставник.

Вэнь Ци беспрекословно опустился на колени, оказавшись лицом к лицу с Су Цзюгуйем. На дощатом полу между ними зашуршали разглаженные белые листы. Парень про себя решил, что мастер задумал написать важное письмо.

— Как успехи в тренировках? — неожиданно спросил Су Цзюгуй.

Юноша смущенно потупил взор, не зная, куда девать руки.

Хвастаться было особо нечем. Продвижение шло со скрипом, а после каждого круга

дыхательных упражнений лёгкие и рёбра саднили так сильно, что даже глоток воды давался с трудом.

— Дай мне руку, — скомандовал Су Цзюгуй.

Теряясь в догадках, парень несмело протянул ладонь. Су Цзюгуй перехватил его руку у запястья, плотно прижав пальцы к пульсирующей вене.

Вэнь Ци приготовился ощутить приток тёплой исцеляющей энергии, однако Су Цзюгуй лишь мёртвой хваткой вцепился в его запястье. Пальцы мастера сжимались всё сильнее, причиняя глухую боль, но парень терпел, затаив дыхание и боясь издать хоть звук, лишь бы не нарушить сосредоточенность наставника.

Су Цзюгуй внимательно следил за лицом юноши. Тот балансировал на пределе выносливости: лоб покрылся крупной испариной, губы побелели от напряжения, но он упрямо молчал, не позволив сорваться с губ ни единому стону.

Его чутье не подвело: этот мальчишка обладал невероятным упрямством и выдержкой — лучшими качествами для даосской аскезы. Настоящий неогранённый алмаз.

Такой преемник вполне заслуживал чести унаследовать его учение.

— Желаете постичь искусство заклятий? — тихо спросил Су Цзюгуй.

«Искусство заклятий горы Великой Чистоты? — сердце Вэнь Ци пропустило удар. — Эти великие таинства недоступны даже внешним ученикам, а наставник готов раскрыть их мне?»

Подобные тайные техники ревностно оберегались орденом. Даже внешние ученики горы Великой Чистоты не смели и мечтать о них — эти знания передавались лишь истинным преемникам лично в руки. И сейчас Бессмертный почтенный предлагает этот бесценный дар ему, простому сироте.

— Да, наставник! Хочу! — горячо выдохнул Вэнь Ци.

Призрачный заклинатель с любопытством наблюдал за развернувшейся сценой со своей высоты.

«А лис-то не промах, — усмехнулся он про себя. — Лисьему оборотню закрыт путь к чистому даосскому колдовству, но этот сопляк — обычный человек, его тело не отвергнет божественную ци. Решил использовать мальчишку вместо живого проводника для своей магии?»

Пока другие прибегали к чужим мечам, Су Цзюгуй решил прибегнуть к чужой плоти ради сотворения чар.

— Наставник?.. — робко позвал Вэнь Ци.

Договорить он не успел. Су Цзюгуй резко вывернул его ладонь и с силой прижал указательный палец юноши к шероховатой поверхности рисовой бумаги. Движение вышло настолько резким, что Сяобай, мирно спавший на коленях Су Цзюгуя, мгновенно вскинулся.

Приподнявшись на локтях, дракон сонно уставился на прижатый к белому листу палец перепуганного Вэнь Ци.

Направляя руку ученика, точно послушную кисть, Су Цзюгуй принялся стремительно выводить на бумаге замысловатые узоры. Тотчас под пальцем юноши заструилось мягкое золотистое свечение, складываясь в древние священные символы, истинный смысл которых был бесконечно далёк от понимания неопытного послушника.

Крупная капля пота сорвалась с кончика носа Вэнь Ци и с тихим шлепком упала на бумагу, мгновенно расплывшись серым мокрым пятнышком.

Шу-у-ух!

Словно из ниоткуда во дворе поднялся яростный, завывающий вихрь.

Пыль забивала глаза, мешая дышать. Опасаясь, что драгоценные листы унесёт, Вэнь Ци судорожно прижал их ладонью к полу, но бумага под его пальцами вдруг ожила, забилась и затрепетала, точно пойманная сетью серебряная рыба.

Хрусь!

Порыв урагана с треском разорвал листы в клочья. Казалось, какой-то нетрезвый каллиграф, недовольный собственным творением, в полуночном безумии искромсал весь свой труд.

Белоснежные обрывки хлынули вверх подобно растревоженному пчелиному рою — сотни бумажных осколков закружились в безумном танце.

— Ай! — вскрикнул Вэнь Ци, невольно разжимая пальцы.

Отрезанные лоскуты взмыли к небу, на лету превращаясь в мириады трепещущих белых бумажных вестников, и стройным косяком устремились прочь из колодца двора.

Парень попытался перехватить хотя бы один порхающий листок, но хрупкая фигурка легко проскользнула сквозь пальцы, торопясь догнать сородичей. В считанные мгновения бумажная стая миновала открытый потолок усадьбы и рассыпалась мириадами белых искр над Городом между Облаками.

Вэнь Ци даже не ощутил момента, когда Су Цзюгуй разжал хватку. Заворожённо уставившись на собственную ладонь, он никак не мог поверить, что сотворил это чудо собственными руками.

— Это... это сотворил я? — заикаясь, обернулся он к мастеру.

Су Цзюгуй с неизменным бесстрашием одарил его лёгким кивком.

Восторг и гордость захлестнули юношу с головой. Нудная, изматывающая стойка мабу мгновенно забылась — разве могла сравниться минутная ломота в коленях с возможностью творить настоящее волшебство?

— Года через три прилежных тренировок сможешь повторить это сам, — ровно произнёс Су Цзюгуй.

Пыл юноши мгновенно угас, лицо разочарованно вытянулось. До него наконец дошло: мастер всего лишь одолжил его плоть в качестве проводника. В этой ворожбе он сам был не более чем неодушевлённой кистью в руках мастера.

Но мысль о том, что спустя три года упорного труда это могущество станет его собственным, вновь зажгла огонь в его глазах.

— Наставник, а как называется эта техника? — с придыханием спросил он.

— Бумажные вестники, — ответил Су Цзюгуй. — С их помощью отправляют послания.

С лаконичным объяснением спорить было трудно. Вэнь Ци лишь заворожённо качал головой — воистину, методы великих мастеров за гранью понимания простых смертных.

— И зачем посылать так много писем сразу? — лениво поинтересовался Сяобай, приоткрыв один глаз.

До ушей Вэнь Ци долетел намёк дракона, и он похолодел. Мальчик не заметил сути, но ведь мастер действительно сотворил не одну записку, а целую тучу мелких листочков, рассеявшихся по небу. Кому же предназначалась эта лавина вестей?

Дракон привык держать всё под личным присмотром. Чтобы выстроить собственную игру, ему

требовалось точно знать, какой маневр задумал Су Цзюгуй.

— Каждому жителю Города между Облаками, — ровным тоном произнёс Су Цзюгуй.

Бровь Сяобая удивлённо взлетела. Почувяв неладное, он подался вперёд:

— И какое же известие ты им доверил?

— То, что Лу Юньцзи вернулся к жизни, — невозмутимо ответил Су Цзюгуй. — И сейчас он здесь, в Городе между Облаками.

<http://bllate.org/book/18298/1755132>